

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

при поддержке Международного благотворительного фонда
Д. С. Лихачева

Седьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

2-е издание , исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
Свое издательство
2012

Л.ХОЛЬБЕРГ В РОССИИ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

В опубликованной в Ученых записках Московского университета (1834. № 12) статье «Обозрение Истории Датского языка и словесности» величайшим и заслуживающим особого внимания датским автором назван Л.Хольберг: «... после этих порывов снова наступил период оцепенения в правление Фридриха IV (1700-1730), продолжавшийся до тех пор, пока наконец явился муж столь же самостоятельный, сколько гениальный, положивший разнообразными трудами своими первое начало самобытности Изящной Словесности и имевший значительное влияние на свое время. Это Людвиг Гольберг, превосходящий все похвалы и заслуживающий того, чтобы мы остановились на нем несколько времени... Гольберг делал опыты в разных родах Поэзии; но самая блистательная сторона его таланта — Сатиры в различных формах. Получив образование в чужих краях, исполненный сведений и учености, он умел усвоить все хорошее чуждых народов, способное служить к образованию его народа и века. Он может быть рассматриваем как отец Датской Комедии и как основатель Датской прозы; ибо и в той, и в другой он проложил новый путь, и заслуги его в сем отношении до сих пор остаются неподражаемыми, несмотря на тех превосходных мужей, на которых может указать Дания. Комическая Эпопея Гольберга — Петр Парс, есть образцовое и остроумнейшее произведение в Сатирическом роде; но блистательнее всего является он в Драмах, тем более что все сделанные до него опыты в этом роде не заслуживали внимания, и он первый произведениями своими подвинул к образованию вкус Датского народа. Гольберг с разительною верностью представлял жизнь преимущественно мещанского и ремесленного сословия, и тем сильнее поражал нелепости и пороки своего времени и живее выказывал смешные черты его. «В этих изображениях, — говорит гениальный его соотечественник и переводчик, Эленшлегер, — Гольберг неистощим и более равен самому себе, нежели Мольер, который иногда был слишком шутилив, иногда же слишком поучителен. В богатстве остроумия, в иронии и комической силе, по качеству Гольберг не уступит Мольеру, по количеству он выше его; ибо написал вдвое больше Мольера столь же хороших Комедий; патетическое и эроти-

ческое было чуждым для обоих. Честным образом мыслей, глубиной разсудка, любовью к справедливости они были весьма близки один к другому. Никогда Гольберг не употребил во зло бича сатиры; никогда шутка его не переходила в насмешку или злые сорказмы. Он более предан веселой иронии, забавному юмору, нежели сатире, и в этих свободных, гениально комических творениях является он однородным с бессмертными творцами Фальстафа и Санхо-Пансы. Он никогда не бывает тщеславен, мелочен, желчен. С возможным отеческим снисхождением, если можно так сказать, обращается он с своими комическими характерами, придает им, где только есть возможность, некоторое приятное добродушие и т.п.». Кроме этого, он имеет еще достоинство как Историк, и сочинения его по этой части по всей справедливости доньше уважаются»¹. В изданной несколькими годами раньше в «Московском телеграфе» (1830, ч. 36, № 21) рецензии на перевод Е.Классеном комедии Хольберга «Оловянщик-политик» говорится, что «это был Фон Визин Дании и выставял на позор Датских Скотининых, Простаковых и Кутейкиных. Говорили, что если бы Гогарт был автором, то он писал бы как Гольберг, а будучи живописцем, Гольберг сделался бы Гогартом. После сего понятно, почему г-н Классен не мог вполне перевести пьесы Гольберга и почему он перевел именно Оловянщика, пьесу, доньше почитаемую в Дании такою же народною пьесою, какою мы почитаем Недоросля или Мельника»².

Между тем в России интерес к творчеству Хольберга возник задолго до 30-х гг. XIX в., и его сочинения активно переводились и издавались, начиная с 1757 г. «Нравоучительные эпистолы» и «моральные мысли» Хольберга переводились с немецкого и датского и печатались в журналах «Ежемесячные сочинения», «Трудолюбивая пчела», «Праздное время» в пользу употребленное». Первым изданным трудом Д.И.Фонвизина стал перевод с немецкого «Нравоучительных басен» Хольберга. Были переведены его «Универсальная история» и «История Дании», сочинения, написанные по образцу сравнительных

¹ Ученые записки Московского университета. 1834. № 12. С.561-563

² Московский телеграф. 1830. Ч. 36. № 21. С.83. Егор Иванович Классен — преподаватель Московской практической коммерческой академии, автор «Новых материалов для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов» (М., 1854-1861; включающей перевод книги польского филолога Тодеуша Волянского), «Технической механики» (М., 1834), «Физики в применении к зодчеству» (М., 1835), «Краткой истории Московского дворцового Архитектурного училища» (М., 1834), «Руководства к устройению артезианских (артезийских) или водометных колодезев» (М., 1833), описательного романа «Провинциальная жизнь» (М., 1843) и т.д.

жизнеописаний Плутарха и посвященные «великим женам» и «восточным героям», роман «Подземное путешествие Нильса Клима». Комедии Хольберга «Гейнрих и Пернилла», «Арабский порошок», «Превращенный мужик», «Гордость и бедность» (а потом и переделка этой пьесы, выполненная А.Коцебу), «Плутус, или Спор между бедностью и богатством», «Обманутой жених» (в датском оригинале — «Краткое девичество Пернилы») переводились с немецкого и выходили отдельным изданием. Единственной комедией Хольберга, переведенной с датского, был изданный в 1830 г. и упоминавшийся выше «Оловянщик-политик».

Сопоставление русских переводов и датских оригиналов позволяет обнаружить и объяснить те деформации, которым подвергались тексты Хольберга, а также выявить некоторые неизвестные тенденции в развитии переводной русской литературы второй половины XVIII в. Переводы Хольберга в полной мере подтверждают «пресловутое неуважение переводчиков к переводимому тексту»¹. Одним из наиболее ярких примеров такого рода является судьба его сочинений, посвященных Петру I. Как известно, отношение Хольберга к российскому императору было в высшей степени почтительным, и существуют целый корпус его текстов на эту тему. Так, «Путешествие в Россию» (1743) П. ван Хавена предваряется «Размышлением об этом писании» Л.Хольберга, среди его нравоучительных эпистол обнаруживается письмо, посвященное сравнению датского короля Христиана IV и Петра Великого, в свою «Историю и подвиги отдельных великих героев и известных людей по образцу Плутарха» (1739; в русском варианте — «Сравнения жития и дел разных, а особливо восточных и индийских героев и знаменитых мужей по примеру Плутархову». СПб., 1766) Хольберг вводит раздел, посвященный «Великому Моголу» Акэбару и Петру Алексеевичу. Однако ни одно из этих сочинений не было известно русскому читателю: предисловие к книге ван Хавена и эпистола на русский язык не переводились, а история Петра была изъята из сравнительных жизнеописаний («... понеже дела сего славного Монарха не токмо у Россиан, но и у чужестранцов находятя еще в свежей памяти, а сверх того от сочинителя не везде исправно описаны, того ради его история здесь выпускается»²). Очевидно, при всем расположении к российскому

¹ Гуковский Г.А. К вопросу о русском классицизме (состояния и переводы) // Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С.271

² Сравнения жития и дел разных, а особливо восточных и индийских героев и знаменитых мужей по примеру Плутархову, сочиненное Людовином

монарху Хольберг не был склонен его идеализировать: так, рассказывая о стрелецком бунте, автор отмечает, что стрелецкие начальники были репрессированы вместе с родственниками, а их дома разрушены до основания. Чтобы быть изданным в России, сочинение Хольберга, посвященное Петру I, должно было подвергнуться сильной редакторской правке, и такая работа была сделана. Известно, что в России дважды (в мартовском номере 1757 г. «Ежемесячных сочинений» и отдельным изданием в 1788 г.) выходило «Письмо, в котором сравнивается Александр Великий с Карлом XII». Сопоставляя великих полководцев, Хольберг упоминает их противников — Дария и Петра: «...если б российский Император был Дарий, то бы и Карл Шведский имел царя Македонского счастье; а если б Петр Великий был царем в Персии, то бы и Александр подобно Карлу XII остался побежденным, ибо Шведское войско Македонскому в храбрости ничем не уступало и предводитель онаго такой же был разумный и искусный вождь, как Македонский»¹. Датский автор лишь затрагивает, но не развивает петровскую тему, и в финале эпистолы о противниках главных героев эпистолы уже не вспоминает. В свою очередь переводивший эту эпистолу С.Порошин полностью изменяет концовку и превращает сочинение Хольберга в панегирик российскому императору: «Видя из слабога сего начертания Геройский дух, непреоборимый нрав и неуступчивую храбрость Шведскаго Карла, к военным обрядам приученное и приваженное воинство ведущаго, представьте себе, Государь мой, коль превосходыми, коль божественными вооружен быть должен дарованиями, с чудною смелостию ставший ему противу, и крепкую и непобедимой казавшуюся его силу низложивший. К таковому делу по неизпытанным судьбам своим избрал Всевышний не однократно в сем письме поминаемаго ПЕТРА Великаго, Россию обновившаго, просветившаго, украсившаго. Сей усмирив домашния беспокойства и нестроения, помышлял и о утверждении отвне безопасности любезнаго своего отечества, которое между многими его врагами ужаснейший Карл Шведский покорить под свою державу или расхитить похвалялся. Выступает неустрашимый Герой с новорожденным своим так сказать, войском против лютаго сего соперника, укрепляет и ободряет оное мудрыми наставлениями, и единого Вседержителя поборником имеет. Здесь чудилася вселенная толикому мужеству ПЕТРОВУ, и с нетерпением ожидала сомнительныя победы. Но венчал Господь дела обновителя Российскаго, венчал тор-

Голбергом, с немецкого языка на российский переведенное Семеном Веденским. СПб., 1766. С.203

¹ Ежемесячные сочинения. 1757. Март.

жественным окончанием. Отмстил он надменное врагов кичение, и Россию посреде безмятежнаго мира, на подобие другаго солнца, в севере возвысил. Соградил в созданном егоже рукою не зыбких болотах град, преславное оное здание, Музам приятелище и пристанище, и многия другия благодения на пользу сынов Российских устроил. Но посреди прехвальных таковых трудов течения, преселися, по общему всех смертных жребию, от сей временной в жизнь вечную, и верных своих подданных в несказанной скорби и печали покинул. В оных утешал их единственно мудрый промысл прозорливых его наследников, начатки дел ПЕТРОВЫХ с прехвальным рачением в возможное совершенство приводящих ... Сим окончеваая сие письмо, которое уже и так против намерения моего несколько вышло плодовиито, уверяю вас

что я есмь и проч.

Переводил Шляхетнаго Кадетскаго корпуса С. П.¹

Переводчик пытается объяснить появление неожиданного и не связанного с основной темой письма финала и специально отмечает, что в этом сочинении Хольберга Петр уже упоминался. Между тем изменения могут вноситься вопреки намерению переводчика, объясняться самыми разными причинами и при этом создавать ощущение сознательно используемого приема. Его суть можно описать следующим образом: в отличие от датских текстов, где реплики героев выглядят логичными и мотивированными, в русских переводах они логичны лишь внешне, в то время как причинно-следственные связи в диалогах нарушаются, и высказывание героя абсурдируется. Так, в датском варианте комедии «Арабский порошок» (1724) мошенник говорит подельнику, что тот вынужден носить «польскую шапку», потому что лишился ушей. О польской шапке говорится и в немецком переводе, послужившим источником русского текста. В то же время в русской версии речь идет не о шапке, а о «польской шпаге». Скорее всего, эта подмена объясняется неаккуратностью наборщиков: обнаруженный нами пример не единственный. Так, в русском издании находим «кенья» вместо «меня», «из вих» вместе «из сих», страница 52 вместо 25, «гулшая» вместо «глупая», «этакан» вместо «стакан» и т.д. Однако в интересующем нас случае обнаруживается как перестановка букв, так и замена буквы «к» на «г». В результате — в русском тексте появляется новая, внешне уместная реалия. В самом деле, применительно к существительному «шпага» подходит тот же глагол, что и к слову «шапка»: «польскую шпагу носишь». Кроме того, польское холодное оружие было хорошо известно в России (правда,

¹ Там же. С. 281-282.

обычно речь шла о польских саблях, а не шпагах). И, наконец, в этом фрагменте комедии Хольберга присутствует военная тема: в датском оригинале безухий мошенник сравнивает себя со стоящим на вахте офицером, в русском — с гренадером, молча подносящим руку к шапке. Однако при внешней смысловой завершенности этот отрывок не имеет смысла.

Другой пример обнаруживается в переводе комедии «Йеппе на горе, или Превращенный крестьянин», в русском переводе — «Превращенный мужик». Главный герой комедии оказывается в корчме и, напиваясь, переходит с датского языка на немецкий. На вопрос корчмаря, откуда он знает этот язык, Йеппе отвечает, что 10 лет служил в армии и, как следует из дальнейшего рассказа, участвовал в осаде Висмара. В немецком переводе герой, получивший имя Бартел, переходит на язык, который его собеседник называет *Welsch* (общее название для языков романской группы), и говорит, что воевал под Мантуей. Русский перевод «Превращенного мужика» сделан с немецкого языка, поэтому пьянеющий Бартел говорит: «*Datte mi ... Obligatio, пей, caspetto di bacco, di bacco...*». Не зная, как перевести немецкое название языка, А.Нартов объявляет его латинским: «Как вижу, так ты говоришь и всякой день по Латыне».

Можно предположить, что латинским здесь назван любой западноевропейский язык (ср. «Живали мы преж сего, не зная латыне, // гораздо обильнее, чем мы живем ныне» в 1 сатире Кантемира) или что русский переводчик обнаружил в странной тираде пьянеющего героя латинское слово «*obligatio*» и на этом основании заключил, что Бартел говорит на латыни. Однако скорее А.Нартов, переводя этот фрагмент дословно, пытается найти адекватную замену немецкому слову *Welsch*.

Примечательно, что в датском и немецком текстах иностранный язык, на который переходит главный герой, так или иначе связан с теми европейскими регионами, где он воевал и где корчмаря едва не казнили как дезертира: в датском оригинале — с немецким Висмаром, в немецком — с итальянской Мантуей. И только в русском варианте место военной службы Бартеля не указывается, его «латынь» оказывается не «прикрепленной» ни к какой европейской стране и выглядит как мертвый язык. Таким образом, в обоих фрагментах можно наблюдать схожее явление: в диалоге героев разрушаются существовавшие изначально причинно-следственные связи и, как результат, заявление персонажа выглядит абсурдным. Если у Хольберга говорится, что герой лишился ушей и поэтому носит польскую шапку, что герой служил в армии и поэтому знает немецкий, то в русском

переводе герой носит польскую шпагу потому, что лишился ушей и выучил латынь потому, что служил в армии.

Конечно, приведенных примеров слишком мало, чтобы увидеть здесь тенденцию; переводы этих текстов принадлежат разным русским авторам и, следовательно, нет оснований говорить о приеме, практикуемом одним переводчиком. Однако, случайно или нет, такие фрагменты обнаруживаются только в комедиях и характеризуют произносящих эти реплики персонажей. В нравоучительных текстах, где повествование ведется от лица адресанта, русскому переводчику удается найти адекватную замену датского слова, «склонить на наши нравы» и не абсурдировать текст. Так, в одной из эпистол Хольберга английская игра Back Game сравнивается с датской игрой Forkeering, а в русском варианте — с русскими тавлеями¹. Случаи же, когда в русском переводе нравоучительного сочинения Хольберга новое слово появляется в результате опечатки или иной типографской ошибки, зафиксировать не удалось.

В перспективе следует выяснить, встречается ли описанное явление в русских переводах комедий других европейских авторов. Представленная же работа является частью исследования, посвященного русско-скандинавским литературным связям в XVIII в., и касается лишь творчества Л.Хольберга.

¹ Праздное время в пользу употребленное. 1759. № 99. С. 109.